

ИРИНА ВАГАНОВА

Простить
нельзя
расстаться

16+

Ирина Ваганова

Простить нельзя расстаться

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ваганова И.

Простить нельзя расстаться / И. Ваганова — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-532-08090-4

Настоящей мамой Марк считал няню Дашу, её исчезновение стало для подростка трагедией. Особенно удручало то, что искать пропавшую никто не собирался. Двенадцатилетний Марк уговорил отца начать расследование, оно перевернуло жизнь семьи. Иногда счастье, если приглядеться, оказывается иллюзией.

ISBN 978-5-532-08090-4

© Ваганова И., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1. Анатолий Рубинов	5
Глава 2. Виктория Рубинова	15
Глава 3. Анатолий Рубинов	21
Глава 4. Дарья Захарова	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1. Анатолий Рубинов

май 2018 года

Анатолий чувствовал себя если не подозреваемым, то полным придурком. Ни одна из двух ролей ему не нравилась. Стараясь сохранить самообладание, владелец успешной компании «Компьютерные сети» поминутно одёргивал рукава английского костюма, трогал золотые запонки, привычным жестом проводил ладонью по тёмно-русые волнистым волосам. Во взгляде появился металлический оттенок, способный до дрожи в коленках напугать любого из подчинённых, но совершенно не замеченный щеголеватым лейтенантом полиции с потешной фамилией Цыпин. Белокожий блондинчик, посвистывая, прохаживался по комнате и отводил от хозяина нежно-голубые глаза, скорее подходящие стеснительной девушке, чем сотруднику органов.

– Записки не оставила? – продолжил бесполезные расспросы лейтенант. – Не предупредила об отъезде, говорите. Оскорбили чем? Домогались? Почему вдруг сбежала?

– Не было у неё причин исчезать, – в сотый раз повторил Анатолий. – Девушку похитили.

Полицейский покачал головой. Как ни велика птица Анатолий Сергеевич Рубинов, а открывать дело о пропаже из его дома гувернантки никто не станет. Очевидный глухарь.

– Не вижу оснований для таких предположений. Найденные отпечатки пальцев принадлежат Дарье Андреевне, – Цыпин повёл рукой, точно лопастью вертолётного винта, обведя широким жестом просторную комнату с аккуратно заправленной кроватью, громоздким шифоньером и подобранным ему в пару туалетным столиком, – есть ещё детские, так полагаю, вашего сына. Документы, мобильный телефон, банковские карты отсутствуют. Кое-что из вещей, со слов Виктории Максимовны, девушка прихватила с собой. Вот, например, – он постучал ногтём по рамке для фото, подслеповато взирающей на него пустым куском картона, – что здесь было?

– Снимок Дарьи с Мариком, – прокашлявшись, сказал Анатолий и уточнил: – с моим сыном.

– Вот видите? А сколько ему?

– Двенадцать.

– Хм, – лейтенант прекратил хождения и обернулся к хозяину, – большой уже. Что если девушка нашла другую работу? Вполне возможно. – Он склонил голову набок, продолжая рассуждения: – Захватила фотографию на память, следовательно, покидала дом намеренно, обдуманно, спокойно и не является потерпевшей.

– Но телефон выключен! Со своими родителями Дарья две недели не связывалась! Это что-нибудь да значит?

– Захаровы, в отличие от вас, ничего необычного в отъезде дочери не видят. – Цыпин звонко хлопнул в ладоши, заставив Анатолия вздрогнуть от резкого звука, и шагнул к двери. – Позвольте откланяться, господин Рубинов. Меня ждут настоящие дела.

– Иными словами, игнорируете моё заявление.

Полицейский остановился в проёме, обернулся к Анатолию и пожал плечами:

– Родственники не подавали. А вы, собственно, кто? Обидели чем-то прислугу, вот она и свинтила. Но поскольку от неё тоже нет жалоб... – не договорив, он оставил опешившего хозяина стоять с раскрытым ртом, и сбежал вниз по лестнице.

Рубинов выскочил из комнаты, готовясь крикнуть вслед лейтенанту грозную фразу, мол, найдёт на них управу и всё такое, но заметил вжавшегося в стену Марика и смолчал. Светлорусый – в мать, кареглазый подросток покраснел от быстрого бега и ещё не успел восстановить дыхание. Анатолий зарылся пальцами в густую чёлку сына:

– Что мокрый такой? Гнались за тобой, что ли?

- Бежал. Увидел полицейскую машину, думал, маму привезли.
- Не привезли. Идём, – обнял сына за плечи и повёл в его комнату.
- Они не будут искать?
- Подслушивал, значит.

Марик вывернулся из отцовских объятий и взглянул исподлобья:

- Маму похитили! Как они не понимают!

Раздражение, накопившееся у Анатолия во время дискуссии с полицейским, вопреки логике и желанию выплеснулось на сына:

- Сколько можно, Марк! Тебе не кажется, что иметь в двенадцать лет няню как-то слишком? – Он стиснул своими лапищами худенькие плечи: – Будь мужиком.
- Она никакая не няня! – выкрикнул сын. – Мама! Она моя мама!
- Замолчи! Услышит.

Отец и сын синхронно перегнулись через перила: в холле перед выходом на крыльцо Вика – супруга Анатолия, родная мать Марка – проводила полицейского и, проследив через стеклянную дверь, как тот пробежал к машине, скрылась на кухне.

Как только мать ушла, Марк повёл плечами, освобождаясь от хватки, и сказал ровным спокойным тоном:

- Ей всё равно. Ты же знаешь.
- Ладно. Топай к себе.

Анатолий посмотрел на часы и покачал головой: напрасно не перенёс совещание, вполне мог успеть. Не предполагал, что беседа с полицией пройдёт так стремительно. Как-то там заместитель справился? Из задумчивости его вывел звук лифтового механизма. Шахта располагалась в противоположном от лестницы углу галереи и соединяла гараж с первым, вторым и третьим этажом дома, поэтому лифтом чаще всего пользовался сам Анатолий. Кто же это там? Пойдя по галерее, Рубинов остановился напротив автоматических дверей. Те разъехались, показывая смеющуюся жену с подносом в руках.

– Предлагаю поужинать в спальне. – Подмигнула и, покачивая бедрами, пошла по узкому коридору к их укромному уголку.

Всё, что делала Вика, она делала так, что сомнений в правильности её решений просто не возникало. Из головы Анатолия моментально испарились мысли о работе, переживания из-за сына и неприятное впечатление от разговора с бесцветным лейтенантом. Улыбаясь до боли в щеках и чувствуя в груди дуновение шального суховея, он поспешил за женой, чтобы распахнуть перед ней двери.

– Благодарю, – проговорила Вика, включив свой магнетический тембр – низкий, шуршащий, вызывающий в организме супруга единственно правильную реакцию.

Установив поднос на низком круглом столике рядом с новомодной стёганой кроватью «Барселона», Вика качнула головой в ответ на приглашающий жест мужа. Да, конечно, сначала надо заработать аппетит. Анатолий успел освободиться от пиджака и галстука, в остальном жена нетерпеливо ему помогала. У неё самой под ярким шёлковым халатом не оказалось ничего.

Супруга всегда действовала с фантазией: нежное постанывание сменялось грозным рычанием, она пускала в ход и язык, и зубы, любила тереться ухом, утыкаться носом, щекотать распущенными длинными, дурмящими волосами. А уж грудь! Два упругих холмика размером с хороший грейпфрут жаждали, требовали ласки. Вот и сейчас, нависая над Анатолием, жена касалась его щеки твёрдым соском, дразня и возбуждая всё больше, а он ловил твёрдую шишечку губами и едва сдерживался, чтобы не укусить.

С первой же ночи – а случилась она сразу после знакомства – Вика и Толя убедились, что созданы единым целым. Они и есть те пресловутые половинки, разделённые сердитыми богами и обречённые на поиски друг друга. Случилась эта встреча пятнадцать лет назад на декабрь-

ском корпоративе научного института, где Рубинов числился, параллельно развивая собственный бизнес. Так получилось, что пришла Вика на праздник со своим тогдашним супругом – одарённым химиком по фамилии Тускловцев, а ушла с Анатолием. Его восхитило в незнакомке всё: чувственные губы большого рта, прямой широкий нос, узкий разрез глаз, цвет которых трудно было сразу определить из-за длинных сильно накрашенных ресниц, и умопомрачительная родинка на правой щеке. Черты лица складывались в своеобразную и запоминающуюся гармонию. Но главным была не внешность стройной эффектной женщины, а её манкость, изящество и плавность движений, зовущий аромат кожи.

Поглощённые африканскими страстями влюблённые не заметили, как растаяли новогодние праздники. Рубинова ждала работа. Его фирма взялась за ответственный заказ: прокладка локальных компьютерных сетей в зданиях районных администраций. Многие проблемы приходилось решать лично, и делал это Анатолий виртуозно, так велико было стремление попасть поскорее домой, в недавно отстроенную и ещё не обставленную квартирку, где ждала Вика. Она так и не появилась на месте прежнего жительства, все хлопоты по оформлению развода с Тускловцевым и перевозу вещей от брошенного рога носца Рубинов поручил верному другу и по совместительству адвокату Севе Дружилину. Через два месяца стараниями Севы Рубиновы сыграли свадьбу, тогда же Анатолий купил участок в перспективном посёлке неподалёку от МКАД.

С тех пор супруги не разлучались и, что было неудивительно для них, хотя озадачивало окружающих, не надоедали друг другу. Вика в одночасье бросила и невзрачного мужа, и тусклую работу, полностью отдавшись новым отношениям. Те часы, когда Анатолий вынужденно отсутствовал, она посвящала своему телу: сначала ходила в фитнес клуб, а когда переехали в дом с тренажёрным залом на третьем этаже и крытым бассейном во дворе, довольствовалась этим. Выезжать не любила. Если требовался косметолог или стилист, вызывала их к себе. Наряды, домашние мелочи, подарки родным и знакомым заказывала исключительно по интернету. Нельзя сказать, что Вика стремилась к затворничеству, но ей вполне хватало вынужденного общения с деловыми партнёрами мужа, выходов с ним в театр и на злободневные выставки. Рубинов неоднократно предлагал жене заняться собственным бизнесом, даже как-то подарил вполне раскрученный магазинчик экологически чистой косметики, но Вика, поиграв, привела «Э-Ко-с» к разорению, так что пришлось продать в убыток.

Поначалу Рубинов опасался, что жене рано или поздно наскучит безвылазно торчать дома, и она выкинет фортель со всей страстностью, на какую была способна, но со временем привык к её образу жизни, и увидел в нём множество положительных моментов. Тех самых моментов, какие каждый мужчина мечтает найти в супруге, но довольно часто ищет на стороне.

– Это было неподражаемо, мой король! Ты превзошёл себя! – Вика лежала на животе, подмяв под себя подушку, и ела манго. Ароматный вязкий сок стекал по её руке и собирался в пятнышко на простыни. Вика слизала его, нарочито медленно ведя языком по своему тонкому запястью, оторвала зубами внушительный кусок фрукта и, так и не переместив его в рот, невнятно проговорила: – Вот что значит, вернуться домой раньше. Почему бы тебе не делать это чаще?

Анатолий любовался её вальяжной позой, плавными переходами обнаженного тела, напомилавшими работы Жюль Жозефа Лефевра¹, и остро жалел, что не наделён талантом художника. Как бы ему хотелось запечатлеть на холсте изгиб спины, остренький уголок лопатки, переброшенные вперёд, но не скрывающие восхитительную грудь светлые локоны, чуть разведённые стройные ножки и, конечно... Он отставил бокал с недопитым вином, подполз к жене и с нажимом провёл ладонью по её бедру, млея от нежной гладкости кожи:

¹ Жюль Лефевр (Лефевбр; фр. Jules Joseph Lefebvre); (1836, Турне – 1911, Париж) – французский салонный художник XIX века, специализировавшийся на изображении прекрасных девушек.

– Можно я тебя сфотографирую?

Она отрицательно закрутила головой, перевернулась на бок и, приподнявшись на локте, потянулась к Анатолию губами. Он с готовностью накрыл их своим ртом и тут же почувствовал, как Викин язычок протолкнул туда недоеденный кусок манго. Жена отстранилась, давая возможность прожевать и проглотить, запрокинула голову и засмеялась, грудь её призывно колыхалась. Анатолий уткнулся носом в ложбинку, пахнущую остреньким потом. Вика изогнулась, подставляя под его губы живот, потом обхватила голову мужа ладонями и стала толкать её ниже, ниже, ниже...

– Ах ты, ненасытная, – пробормотал он с восхищением.

Выйдя из душа, Анатолий нашёл жену спящей поверх смятого одеяла. Умаялась, голица. Подумать только, ещё десять минут назад её криками можно было отпугивать медведей. Полюбовавшись, Анатолий укрыл жену вторым одеялом, собрал остатки еды и напитков. Стоит, пожалуй, унести. Вика умела с удовольствием и не без выдумки организовать романтический ужин, но что касается последствий... Сил на то, чтобы устранять их, у неё не оставалось. Этим занимался мужчина. Можно было, конечно, попросить домработницу Музу, на чём обычно и настаивала супруга, но Анатолию было неловко. Он не собирался пускать свидетелей в эту часть своей жизни. Запахнул плотнее махровый халат, завязал пояс, взял поднос и пошёл из комнаты. Лифтом не стал спускаться, что-то там в последнее время скрипело, как бы не разбудить Вику. Двинулся к лестнице. В такие минуты чувствовал себя молодым. Он, конечно, и так не стар, но сейчас просто мальчишка – влюблённый без памяти и получивший то, к чему стремился, о чём грезил бессонными ночами. Он вознаграждён за самоотверженность, за пылкость чувств и страсть и теперь, оставив свою Офелию, Эвридику, Изольду и Гиневру в одном лице, крадётся тёмными улочками, боясь быть узнанным и наказанным за сладостное преступление.

Что это? Анатолий замер, прислушиваясь. Будто поскуливает кто-то. Нет. Плачет? Звуки доносились из комнаты Дарьи. Она вернулась? Придвинулся к двери, почти касаясь её плечом. Всхлипывания стали отчётливее. Будто даже бормотание угадывалось. Марик! – догадался отец. Хотел уже толкнуть плечом дверь и выяснить, в чём там дело, но передумал, уж больно вид несерьёзный: в халате, шлёпанцах, с подносом в руках, а на подносе початая бутылка, бокалы, объедки. Нет. Позже разберётся. Поспешил вниз.

Романтический настрой пропал. Мысли вернулись к исчезнувшей гувернантке. Куда, в конце концов, делась эта девчонка! Нельзя сказать, что семье так уж требовались услуги Дарьи Захаровой, тут Анатолий готов был согласиться с женой. Парень вырос, нянька ему уже не нужна. Привязанность его должна постепенно сойти на нет, переходный возраст, все дела. Скоро для Марка важны будут сверстники, а не родители или, тем более, нанятая в няньки девушка. Однако внезапный отъезд Дарьи вызывал беспокойство у Рубинова, привыкшего к исполнительности работников. Более того, он чувствовал ответственность за эту горемыку. И, если уж быть честным, привык к ней за двенадцать лет – было приятно иметь перед глазами пример собственного великодушия и щедрости.

Рубинов относился к Дарье так, как не каждый брат относится к родной сестре. Тут Вика совершенно права: девка обнаглела совсем. Нет бы жить, радоваться и благодарить хозяев, так сбежала, даже не предупредив. Обидно! В том, что она сбежала, полицейские почти убедили Анатолия. Жалко сына, в таком возрасте разочарование в людях даётся непросто. Хотя, в каком просто? Со временем учишься не очаровываться, вот и всё. Но у Марка другая ситуация. Не зря он упорно называет Дарью мамой. Фактически она заменила мать.

Анатолий поставил поднос на тумбу рядом с мойкой, налил стакан воды из фильтра, выпил жадными глотками и опустился на табурет, скрестив руки между коленей. Смотрел в пол и вспоминал недавнее прошлое.

Вика не хотела ребёнка. Призналась в этом, нисколько не стесняясь.

– Мечтаешь о наследнике? Изволь. Выношу и рожу. Но не жди, что буду вытирать ему сопли!

Звучали и более циничные высказывания, но Анатолий не воспринял их всерьёз. Сколько таких женщин: заявляют, что терпеть не могут детей, а потом родят и носятся со своими крохами не хуже других. Родная кровиночка это тебе не абстрактный малыш с картинки!

Радость от беременности жены сменилась беспокойством. Вика не желала отказывать себе ни в чём, к чему привыкла. Увещевания и мольбы мужа игнорировала: кофеманила, покупала, выпивала, секс ей требовался так же, как и раньше. Попытки ограничить контакты приводили к истерикам. Он – мужчина – был готов к воздержанию, а она – ни в какую. Анатолий аккуратничал, заботясь о ребёнке, Вика рыдала, не получив ожидаемого удовлетворения. Не имея сил противостоять её напору, Анатолий упрятал жену в частную клинику за два месяца до родов. Обошлось это в ощутимую сумму, но дало хоть какую-то уверенность в благополучном развитии плода. Этот поступок лишил супружеские отношения идеальности. Вика не слишком часто, но всё-таки укоряла мужа, приговорившего её к двухмесячному заключению за любовь. Рубинов смущался, извинялся, не теряя при этом уверенности в своей правоте, и выполнял очередные капризы жены, благо их было не так много.

Как и обещала, Вика выносила и родила. Беременность проходила легко, даже токсикоз толком не проявился, рожала тоже без проблем. Женскими данными родители Вику не обидели, обезболивающих доктора не жалели, младеньчик был крохотный – даже до трёх кило не дотянул – лишних трудностей маме не доставил. Услышав его крик, Вика отвернулась и на предложение взять на руки и приложить к груди, отрицательно покачала головой. В грубой форме отшила медсестру, протягивающую завёрнутого в белую пелёнку мальчика.

– Как же? – изумилась та. – И не взглянете?

– Иди ты... – повторила Вика.

Быть бы Рубинову-младшему искусственником, да по счастью в бесплатном отделении роддома нашлась молоденькая роженица, отказавшаяся от ребёнка. Её сначала попросили покормить Марка, а потом посоветовали отцу мальчика взять Захарову кормилицей. Так в свои восемнадцать Дарья обрела молочного сына, а Марк получил маму.

Некоторое время Анатолий надеялся, что жена изменится с годами. Сам он с каждым днём всё больше чувствовал, как растёт его интерес к сыну. Пусть новоиспечённая родительница игнорирует малыша, но когда тот начнёт бегать, говорить, обнимать и целовать мамочку, она должна смягчиться. Не тут-то было. Вика не замечала, что в доме есть кто-то кроме мужа и домработницы. Сын и его няня как будто существовали в другой реальности. Немудрено, что первым словом Марика было: «папа», а вторым «няня». Вскоре няня стала «мамой». Года в два он стал называть Дашу так. Анатолий расстроился и завёл осторожный разговор с женой, мол, не дело, что ребёнок зовёт мамой чужую женщину.

– От меня что хочешь? – перешла в наступление Вика. – Я тебя предупреждала: мне дети не нужны. Тебе нужны, вот и возись. Помогает эта девка, так и радуйся! А если тебе требуется жена-клуша, надо было на другой жениться!

– Мне нужна ты, – Анатолий попытался смягчить ситуацию улыбкой, раскрыл объятия, шагнув навстречу супруге, – мне нужна ты, как жена и как мать моего сына.

– Если б я была клушей, так и осталась бы с Тускловцевым, химичила бы с ним отпрысков, да кудахтала над ними!

Это заявление было ударом под дых. Представить Вику чужой женой Рубинов мог только в бреду. В самом деле, чего он до неё докопался. Родила, и за это спасибо. Дарья вполне справлялась, обожала малютку как собственного, при этом нисколько не претендовала на внимание его папаши, что, несомненно, было достоинством молодой симпатичной работницы. Сам Рубинов использовал любую возможность провести время с Мариком. Тетенькался, пока тот

был младенцем, когда чуть подрос, качал на ноге, перекинутой через колено, катал «по горкам и ухабам». Потом игры стали взрослее, интересней обоим: в мяч, в городки, в водное поло.

– Па! Пойдём футболять! – весело кричал пятилетний парень, встречая выходящего из автомобиля отца.

– Так не говорят, – смеялся тот, поглядывая на смущённую Дарью, – надо говорить: поиграем в футбол.

– Это долго! – спорил мальчишка, ему куда удобнее было пользоваться простецкими выражениями из арсенала няни.

– Маричка, папе надо покушать и отдохнуть, – утягивала подопечного в сторону Дарья, – пойдём, ты будешь пенальти пинать, а я на воротах постою.

– Иди, – говорил вслед оглядывающемуся ребёнку Анатолий, – через полчаса подтянусь, – и хмыкал, направляясь к крыльцу: – «покушать». Деревня!

Не во всём влияние названной мамы на Марика было правильным, но, в конце концов, избалованность и речевые огрехи можно со временем исправить, в остальном же Дарья всех устраивала. Например, она тонко чувствовала, когда подпускать ребёнка к отцу, а когда лучше придержать. Вика ревновала мужа к сыну. И если был выбор, с кем провести свободный час, Анатолий предпочитал жену.

Вернувшись в спальню, он обнаружил опустевшую постель. Бёбу², обычно прячущая двери в душевую и в гардеробную, была сложена и прислонена рядом. Слышался шум воды и голос Вики, напевавшей любимое: «Делай, делай, зря не болтай... Делай-делай-делай любовь»³. Костюм она унесла, а кровать оставалась в том же истерзанном виде: одеяло сползло на пол, демонстрируя скрученную чуть ли ни в жгут простынь и забившиеся в угол подушки – все кроме той, что Вика подминала под себя. Единственным образцом порядка здесь было изголовье мышинного цвета, разделённое ровными строчками на большие квадраты. Анатолий, покривившись, стал собирать постельное бельё. Пахнуло смешанным запахом спермы, пота и сока манго. Прижимая к груди ароматный шелковистый ком, потопал в ванную, располагавшуюся по другую сторону от галереи. Здесь стояли две джакузи, одной из которых так ни разу никто и не воспользовался – супруги предпочитали нежиться вдвоём в одной, той, из которой открывался вид через окно на верхушки яблоневого сада и небо. В третьем углу помещалась сауна, четвёртый занимала стиральная машина. Большая постирочная была в подвале, там хозяйничала Муза, здесь же Вика приводила в порядок те вещички, которые не доверяла домработнице. Анатолий загрузил постельный комплект в машину, бросил в бак капсулу с моющим средством, установил режим на шестьдесят градусов и нажал «пуск». Минуты две сидел на корточках, слушая журчание воды, гул мотора и наблюдая через стекло, как покачивается из стороны в сторону клубок из тканей, пропитанных мужскими и женскими биологическими жидкостями. Скоро всё станет чистым.

В гардеробную прошёл через дверь из ванной, Анатолий давно оценил идею Вики, потребовавшей поменять проект, чтобы появилась такая возможность. Переоделся в трикотажный домашний костюм, постоял под дверью, внимая тому, что происходило в спальне. Вика, по всей видимости, застлала их ложе. Довольно отчётливо слышалось, как она напевает. На этот раз «На большом воздушном шаре» всё той же Ёлки. Анатолий собирался поговорить с Мариком и, чтобы Вика не задержала, вернулся в ванную и прошёл на галерею. Интересно, где сейчас сын – у себя, или всё ещё в Дашиной комнате? Хотя, почему в Дашиной? Вот привычка! Прикидывая, как переоборудовать уголок бывшей няни, чтобы там можно было размещать гостей, Анатолий добрёл до детской. Комната с помощью дизайнерских уловок была разделена на три

² Японская ширма или Бёбу – небольшая портативная перегородка, сделанная из нескольких панелей с использованием росписи и каллиграфии.

³ "Делай любовь" – совместная песня Звонкого, Рем Дигги и Ёлки.

зоны: спальную справа от входа, игровую слева и учебную между ними. Сын сидел в центре за письменным столом и рассматривал рисунки. На шорох двери не обернулся.

– Чем занят? – спросил Анатолий, не торопясь расспрашивать о плаче, услышанном раньше.

– Она не могла уйти и не взять их, – сказал Марик.

Перед ним лежала раскрытая папка с его творениями.

На каждый праздник мальчик готовил Дарье подарок. Было время, когда и отцу преподавал картинку с танком или парусником, но Анатолий не догадался собирать их. Носил на работу, там прятал в одном из ящичков стола, кое-что лежало в книжном шкафу в домашнем кабинете: выбросить было неловко, так и мешались, попадая под руку то тут, то там. А Захарова папку завела, скопила – удивительно. Перекладывая один лист за другим, Рубинов рассматривал пейзажи, портреты и натюрморты, подписанные корявыми печатными буквами: «Марк 5 лет», «Марк 6 лет», «Марк 7 лет», «Маме», «Маме Даше»... Те знакомые, кто видел работы Марика, спрашивали: кто учит его рисовать, и на ответ: «никто не учит» качали головами: какой одарённый ребёнок. Не скажешь же, няня учит. Сама она, кажется, неплохо рисовала. Взяв очередной лист, Рубинов застыл. На него смотрела Дарья. Сразу узнал, даже не прочитав подпись: «Мама, это ты. Марк 11 лет». Как уловил особенности её лица! Высокие скулы, тонкий, с круглыми ноздрями нос, волнистые волосы цвета жжёного сахара, и взгляд – тот самый, что чаще всего у неё бывал: с запрятанной в глубину болью и разочарованием. Действительно, талант у ребёнка. Сын подал голос:

– Мы с ней друг друга рисовали.

– Друг друга? – встрепенулся Анатолий.

– Да. Вот, видишь, это я. – Марк достал из кипы новый лист. – Правда, похоже получилось?

Они позировали и одновременно рисовали. У Марика был обычный детский подход: лицо в анфас, распущенные волосы по плечам. Мальчика же художница изобразила вполоборота сидящим на табурете, склонившимся к листу бумаги с карандашом в руке, сосредоточенным и трогательным. Как надо любить ребёнка, чтобы так его нарисовать!

– Можно я возьму? – осипшим голосом спросил Анатолий. – В офисе повешу в рамочке.

Марик вытянул из отцовских пальцев лист, убрал в папку, захлопнул её, навалился локтем.

– Вернётся мама, у неё и спрашивай.

Анатолий присел перед ним на корточки, взглянул снизу и, стараясь говорить убедительно, начал:

– Марк, ты должен смириться. Она ушла от нас совсем. Скорее всего, подыскала другую работу, где малыш, а не такой дылда. Ведь мы и сами собирались отказываться от её услуг.

Не глядя на отца, Марик качал головой. Рубинов же с каждым словом всё больше убеждался в своей правоте. Ну не забрала рисунки, и что? Быть может, не считала, что имеет на них права. Столько лет жила на всём готовом: отдельная комната, питание, зарплата немаленькая, вещи почти не покупала, ей перепадало от хозяйки много чего, разве что кроме бельишка...

– Па, если полиция не будет искать маму, я сам буду искать, – потупясь, предупредил Марик.

– Выбрось из головы, сейчас же! – резко встал Анатолий, твёрдый тон сына его насторожил. – Бог с ней, с полицией, я дядю Севу попрошу. Он частного сыщика наймёт.

– Правда?

Доверчивый взгляд карих глаз смутил Рубинова, он похлопал ребёнка по плечу и сказал как можно беспечнее:

– Найдём твою Дашу, не переживай. А сейчас зубы чистить и в постель! А то завтра школу проспичь.

Анатолий брёл по галерее, постукивал костяшками пальцев по перлам, выбивая строгий ритм: та-да-там-там-там, та-да-там-там-там, та-да-там-там-там... Внизу над входом горела дежурная лампочка. Неяркое освещение делало дом загадочным: в углах и закутках прятались чёрные тени, потолок – перекрытие между вторым и третьим этажом – украшали причудливые контрастные разводы, застывшие, но готовые к движению. Что за мысли лезут в голову? Остановившись, Рубинов облокотился на отполированную дубовую поверхность ограждения и огляделся. Он любил свой дом. Любил бывать здесь, приглашать гостей. Обожал водить «экскурсии», демонстрируя новым или очень старым, не бывавшим здесь, знакомым, как они с Викой всё классно устроили. Удобно, приятно и без лишних прибабасов. Та-да-там-там-там – продолжало стучать в голове. Почему гадко на сердце? Всё ведь хорошо. Неужели исчезновение Дарьи так действует? Скорее, не исчезновение, а неопределенность. Анатолий не терпел неопределённости. Как бывший учёный он любил выстроить логическую цепь и объяснить любое непонятное явление. Как успешный бизнесмен предпочитал ясность без недомолвок и намёков. Нужно было всё расположить по пунктам: а, б, в, г...

Допустим, девчонка решила покинуть дом Рубиновых – надоело, подвернулось что-то перспективное, скопила денег и захотела отдохнуть по полной, да что угодно! Допустим, боялась признаться, чтобы её не удерживали. Собралась в тихую, свинтила. Но зачем прятаться? Почему не перезвонить и не сообщить, что всё в порядке? Отключать телефон в такой ситуации – полнейшее свинство! Могла она хотя бы смс кинуть: мол, всё нормально со мной. Впрочем, сообщение бы его не успокоило, мало ли кто его послал. Губы Анатолия скривились в усмешке. Да он волнуется за эту девчонку! Точно. Банально волнуется. Привык за двенадцать лет к её ненавязчивому присутствию в доме. Эдакое приложение к сынишке – рядом, если нужна, в сторонке, если нет. Никогда не мешала и всегда была готова подстраховать.

Первое время Анатолий относился к Дарье предвзято. Разве может вызывать симпатию женщина, бросившая новорожденного ребёнка? В сказки о безвыходных положениях и непреодолимых обстоятельствах он не верил. Понятно, что девчонка молоденькая, вчерашняя школьница, оступилась, с кем не бывает. Но ведь есть родители, родственники, неужели нельзя было как-то всем кланом поднять малыша? Хотя бы до ясельного возраста. А там и на работу устраиваться.

Брал он в дом Захарову на полгода, не больше. Задачу ей поставил такую: кормить Марику грудью и постепенно вводить прикорм. Надеялся, что у Вики проклюнутся материнские чувства за это время. Тщетно. Скорее, Дарья была способна дарить ребёнку заботу и нежность, чем настоящая мать. Просматривая записи с камеры наблюдения, установленной в детской, Рубинов умилялся, любуясь, как бережно и трепетно няня обращается с его сыном. А ведь она не могла знать о том, что за ней подсматривают. Сначала оставил её ещё на полгода, потом до того, как Марику исполнится три, а потом и думать забыл о том, что Дарья – чужой человек. Зря, выходит, забыл. Как там, в пословице про волка? Сколько не корми... Шумно хмыкнув, Анатолий пошёл в спальню.

Жена полусидела на застеленной шёлковым бельём кровати, прислонив подушку к стёганому изголовью. В руках у неё была книга, освещённая направленным на страницы лучом регулируемой лампы. Раздевшись, Анатолий нырнул под одеяло и поинтересовался:

– Что читаешь?

– Бестселлер посоветовали. – Вика отложила книгу и повернулась: – где пропал так долго?

Не отвечая, Анатолий наблюдал, как она разбирает подушки и укладывается. Вид у неё был недовольный. После паузы сказал-таки:

– К сыну зашёл. Должен же кто-то желать ему спокойной ночи.

– Пожелал?

– Да.

– Сколько раз? Тысячу?

Стало смешно. Вот ревнивица! Анатолий тронул разбросанные по подушке светлые пряди и заговорил как можно мягче:

– Парень переживает. Надо было успокоить его.

Вика вытянула свои волосы из его пальцев, выключила свет и, повернувшись спиной, безапелляционно заявила:

– Чем меньше ты будешь потакать ему, тем скорее он её забудет.

Анатолий не отозвался. Лежал на спине, устремив взгляд в потолок, и не о чём не думал.

Наутро завёз сына в школу. Приходилось теперь по утрам делать крюк, соответственно выходить из дому раньше. Как тут не вспомнишь благословенные времена, когда Марик добирался на рейсовом автобусе в сопровождении гувернантки. Теперь он порывался ездить один, но Рубинова это не устраивало. После уроков разрешил возвращаться самостоятельно, но по утрам хотелось быть уверенным, что ребёнок попал туда, куда надо, а не болтается по посёлку в компании прогульщиков.

Высадил у ворот, дождался, когда худенькая фигурка с объёмным ранцем скроется в дверях школы, и тронул автомобиль. По дороге размышлял. Учебный год завершается, последняя неделя осталась. В следующем придётся что-то решать. Выехав на МКАД, затёрся в пробку. Навигатор показывал, что впереди случилась авария. Вот уроды! Куда летят? Сами попадают на бабки и другим людям жизнь усложняют – сердился Рубинов. Саунтрек из фильма «Мужчина и женщина»⁴ оповестил о чём-то желании побеседовать.

– Алло?

– Привет, – голос юриста фирмы Дружилина, – я тут обнаружил пропущенный от тебя. Извини, что хотел?

– Привет, Сева. В офисе появишься?

– Вряд ли. А что, нужен? Ты меня вроде отпустил на неделю.

– Не нужен. Просто хочу попросить, пока не забыл. Посоветуй какого-нибудь толкового следака.

– Захарову хочешь найти? Украла что-нибудь?

– Пацан переживает из-за неё. Просто надо убедиться, что всё в порядке.

– Хорошо. Пороюсь в своих анналах, перезвоню. Всё?

– Ещё вот что. Школу типа интерната для Марика подбери. Можно с уклоном.

– Физ-мат или языковую? – Не дождавшись ответа от задумавшегося друга, Дружилин предложил: – Исследую вопрос и составлю список, а ты выберешь.

– Лады.

Отключился. Настроение чуть приподнялось, да и пробка рассосалась. Друг Сева имел потрясающую способность всё улаживать. Голос у него был такой, что в пору психотерапевтом практиковать. Хотя для адвоката это качество тоже оказалось удобным. Это был микс: уверенность, уважительность, спокойствие, достоинство. Поговоришь с ним, уже на пятьдесят процентов дело кажется решённым. Вот и сейчас, после беседы с Дружилиным, Анатолий нисколько не сомневался, что и Дарья отыщется, и Марика пристроят в элитную школу, где парню будет лучше, чем дома, и сам он, наконец, перестанет дёргаться.

Однако подёргаться пришлось. Часа в четыре позвонила домработница и взволнованно сообщила, что Марк не вернулся в обычное время. Она узнала, что автобус ходил по расписанию, так что мальчик либо опоздал на него, либо его оставили после уроков.

– Муза, – Анатолий почувствовал захлёстывающую сознание волну беспокойства, – спасибо, что сообщила. Я всё выясню. Если Марк приедет следующим рейсом, перезвони. Хорошо?

⁴ Музыка Френсиса Лея.

– Да, конечно, Анатолий Сергеевич.

Рубинов вышел для разговора в коридор и теперь смотрел сквозь стеклянную стену в комнату для заседаний, где продолжалось совещание. Возвращаться туда не хотелось.

– Саша! – обернулся он к секретарю, который и вызвал его, сообщив, что звонят из дома. – Пойду. Пусть без меня продолжают. Насколько помню, больше ничего на сегодня?

– Ничего, Анатолий Сергеевич, – кивнул смуглый черноглазый молодой человек, уже два года работающий секретарём и высоко ценимый за расторопность. – Завтра договор подъедут заключать. К одиннадцати.

Рубинов кивнул и принял подаваемое Сашей полупальто. Он помнил о завтрашней встрече. Но там всё готово, а вот с Мариком надо разобраться. Эх, жаль, Дарья нет, она всегда встречала мальчишку из школы. Звонки ничего не дали. Шестиклассников распустили как обычно. Марк Рубинов ушёл на автобусную остановку. Больше никто ничего не мог сообщить.

– Куда же ты пропал, сынок? – Мобильный Марика молчал. Очередной раз выслушав сообщение о том, что абонент недоступен, Анатолий в сердцах швырнул айфон на пассажирское сидение. – Да что же это за день!

Хотя день, надо признать, был совершенно обычный. Прочёсывание окрестностей школы, поездка по дороге от неё до посёлка оказались напрасными. Муза сообщала, что обзвонила друзей Марка, никто не знает, куда он мог пойти.

– Откуда же ты взяла их номера? – удивился Рубинов.

– Я нашла список в Дашином блокноте.

Анатолий медленно ехал по центральной улице посёлка, хотя не стоило надеяться, что Марк бесцельно тут бродит. Быть может, ищет Дарью, как и обещал. Вот глупыш! Подумалось, что нет никаких соображений о том, куда бы мог направиться сын. Гувернантка завела блокнот со списком его друзей, а отец не позаботился об этом. Как же он привык полагаться на Захарову во всём, что касалось Марика! Зря, выходит, привык. Надо было самому участвовать в жизни ребёнка. Перезвонив Музе, убедился, что сын до сих пор не вернулся, и заложил очередной круг мимо собственных ворот. Стоит в лес заглянуть – Марик с няней присмотрели там заветное местечко рядом с озерцом. Повозил пальцем по экрану айфона, настраивая навигатор, и поехал предлагаемым путём к прибрежной полянке.

Глава 2. Виктория Рубинова

Май 2018 года

Вика проспала уход мужа на работу. Это случалось редко, утренние игры Рубиновы любили даже больше ночных – и ему заряд на весь день, и ей не так тягостно ждать мужнина возвращения. Видно, вчерашняя свистопляска сказалась. Вика потягивалась, припоминая ощущения, и таяла, как мёд на водяной бане.

– О! Мой король, – растянула губы в плотоядной улыбке, неторопливо спустила ноги с кровати. Не нащупав домашних туфель, пошлёпала боссяком по нагретому пробившимися сквозь небрежно задёрнутые шторы солнечными лучами паркету. Во дворе слышался робкий рокот мотора. Выглянула в окно: – Твоя Пенелопа⁵ ждёт, любимый! Ждёт с нетерпением.

Снова потянулась, на это раз приподнявшись на носки. Нынешнее утро она решила начать с бассейна. Надела сплошной, подаренный мужем купальник, водрузила поверх закрученных в узел волос плавательную шапочку, накинула махровый халат и, сунув ноги в пластиковые шлёпанцы, побежала по галерее. Домработница выглянула из кухонной арки, заслышав стук шагов.

– Доброе утречко, Виктория Максимовна! Купаться? – лыбится, точно мать родную увидела.

– Здравствуй, Муза. Всё хлопочешь?

– Тёпленько там, я проверила.

Вика, не отвечая, пролетела мимо, выскочила на крыльцо и замялась. Прохладный воздух обхватил лодыжки, расцеловал щёки и лоб. Быстрее!

Десяток шагов по дорожке из светлых широких плит, мимо зеленеющей упругой щёткой газона лужайки. Распахнуть и сразу прикрыть за собой стеклянную дверь и пройти по узкому бордюру к полукруглой площадке с шезлонгом. Халатик – прочь, забросить его на полосатую спинку, тапочки – вон. Шаг по прохладному мрамору к отливающей изумрудным оттенком, пахнущей ароматной отдушкой воде и... тёплые струи щекочут тело, ласкают мягкими ладонями, будоражат проказливыми пузырьками.

Приятнее было бы плавать голышом. Вика позволяла себе такое утреннее развлечение до тех пор, пока сосед по-пьяни не проболтался Рубинову, что подсматривает за ней в бинокль. Саму Вику это только рассмешило, но Анатолий расвирепел. Во-первых, заложил кирпичами и заштукатурил северное окно в спальне – двух восточных вполне хватало. Во-вторых, собрался закрашивать стеклянную стену бассейна. Вика еле отговорила, пообещав, что будет плавать в приличном виде. Уж очень ей нравилось лежать в тёплой воде под инфракрасными лампами, любуясь небом, укутанным ватными тучами или усыпанным звёздами, рассматривать сквозь прозрачные стенки кусты с едва раскрывшимися почками или с игольчатой изморозью на ветках. В такие минуты она чувствовала себя счастливой. А всего-то и нужно было забыть горькое детство, бесцветный год первого замужества, бесконечную беременность, роды, недовольство мужа её равнодушием к сыну и начать заново плести кружево жизни из крохотных узелков: радостных минут, страстных часов и умиротворённых дней. Последние десять лет и были волшебным временем – ажурным, узорчатым полотном, бесценным и нежным – перекрывающим прошлые неприятности.

Мать Вику не любила. Собственно, и отец не любил, как можно было предположить. Женились Альбина и Максим на четвёртом курсе института по залёту. Ему пришлось учиться за двоих, пока молодая неопытная супруга нянчилась с младенцем. Сразу после получения диплома Макса призвали в армию, Аля осталась на попечении собственных родителей. Через

⁵ Пенелопа – в древнегреческой мифологии супруга Одиссея, героиня гомеровской «Одиссеи», мать Телемаха.

год случилось несчастье. Викины бабушка и дедушка ушли к родственникам встречать новый год и отравились палёной водкой. Малышка, если рассуждать здраво, спасла мамаше жизнь – приболела, её побоялись тащить с собой, оставив с Альбиной дома. Из всей родни кроме Альки и Вики уцелела только восьмидесятилетняя двоюродная прабабка.

Когда улеглась суета с похоронами, многочисленными поминками, метаниями по учреждениям, Альбина обнаружила рядом с собой не мужа, которого не отпустили даже на неделю, а соседа по лестничной площадке, овдовевшего за полгода до этого. Поначалу мужчина, сам не так давно прошедший через адские круги похоронных бюро и кладбищенских услуг, помогал молоденькой соседке из чистой добросердечности. Именно он уговорил пожилую родственницу переписать на Альбину всё имущество. Так в свои двадцать три она оказалась владелицей двух квартир, гаража и старенькой Волги. Прабабка переехала к ней, вторую квартиру стали сдавать. Этот же самый сосед устроил Альбину бухгалтером в расположенную на городской окраине воинскую часть и помог оформить ребёнка в детский садик. На самом ли деле благодарная женщина расплачивалась постелью, Вика не могла знать, мать божилась, что нет, однако, доброты засыпали Максима письмами с щекотливыми подробностями её измен. Для него оказалось достаточно одних предположений, жить с той, кого вся округа не называет иначе как «подстилка», он не пожелал, да и прошла любовь, даже если была когда-то. Соседа вскоре перевели в другой город. Скандал повлиял или по другой причине, неизвестно. К Альбине – молодой разведёнке с дитём – потянулись холостые утешители. К тому моменту, когда Вика пошла в школу, только ленивый, включая старуху, жившую с ними в одной квартире, не называл её мать шалавой. Миленькой светловолосой девочке приходилось терпеть косые взгляды учителей, обзывательства одноклассников и щипки ребят постарше. Не было в ближнем окружении ни одного человека, не пророчившего ей сладкую дорожку. Разве что отец. Максим исправно платил алименты и раз в месяц забирал девочку на выходные. У него была другая семья, как считала Вика – невозможно благополучная. Жена смотрела на Макса с обожанием, мальчишки-близнецы висли на нём, страшно ревнуя к сестрице. Тогда-то, в подростковом возрасте, и дала Вика себе самое нерушимое слово стать счастливой и прожить жизнь с одним единственным.

Наплававшись, Вика выбралась из воды, наскоро обтёрлась огромным полотенцем, закуталась в халат и побежала в дом. Анатолий, увидев такое, непременно бы укорял: разве можно скакать в мокром купальнике по двору? Не лето.

– Минута и я в тепле! – возразила на воображаемое замечание Вика.

– Гости к вам! – встретила её Муза, округлив и без того огромные чёрные глаза и протягивая трубку домофона.

– Кого это принесло в такую рань?

Трубка занудила до оскомины знакомым голосом:

– Надо поговорить. Пожалуйста, открой шлагбаум, я заеду.

– На машине? – удивилась Вика: когда это Тускловцев обзавёлся автомобилем?

Она кивнула Музе и побежала наверх. В ванной скинула купальник, помассировала тело безразмерными махровыми варежками, поглядывая через открытую дверь в гардеробную на своё отражение в большом зеркале. Облачилась в спортивный костюм. Не в платье же влезать, слишком много чести бывшему! Успела выглянуть в окно спальни. Домработница встречала посетителя у ворот. Во двор заехал серебристый Фольксваген, не новый, но чистенький. Водительская дверь выпустила одетого в светлые брюки и тёмно-синий пиджак человека. Волосы бывший муж Вики остриг чуть короче, чем раньше, они едва достигали середины шеи, фигура оставалась всё такой же, будто составленной из спиц, но костюм сидел превосходно. Кто ж его так принарядил?

Вика неторопливо прошла по галерее. На Тускловцева не смотрела, пусть освоится хоть немного. Можно представить, как поразил привыкшего к тесноте человека здешний простор:

тридцатиметровое фойе, по центру витраж, он же вход в зимний сад, слева арка, ведущая на кухню, дальше арка столовой, между ними лестница на второй этаж, а там вдоль галереи двери в комнаты. Первая – гувернантки, затем гостевая спальня, потом детская, за ней ещё одна гостевая спальня, дальше ванная, лифт и, наконец, спальня хозяев. Это только два этажа, есть ещё третий и цокольный с гаражом, мастерской, котельной и прачечной.

Ступеньки закончились. Вика замерла и взглянула на бывшего супруга. Тот беззвучно шевелил губами и восхищённо расширил глаза:

– Прекрасно выглядишь! – он протянул букет. Не дешёвый: любимые Викины герберы солнечного цвета, зелень, фиолетовые ирисы.

Она, двигаясь медленно и важно, взяла цветы. Повернулась и пошла к дверям в зимний сад. Где ещё принимать такого гостя? Затылком чувствовала, как он рассматривает её подтянутую фигуру в эластичном бирюзовом костюме, спортивные тапочки в цвет, рассыпанные по плечам волосы.

В зимний сад прямо из холла вели раздвигающиеся двери из разноцветного стекла. Влажный нагретый воздух – здесь работала система автоматического полива – перенасыщенные яркие ароматы напоминали о цветущих джунглях. Тускловцеву наверняка ничего подобного видеть не доводилось. Да и что он видел, кроме теплицы во дворе родительского дома! Вика взяла с полки греческую вазу, зачерпнула воды из искусственного прудика, поставила цветы, устроив их в центре каменной горки. Склонив голову набок, оценила результат: вполне. Оглянулась на ошалевшего мужчину:

– Располагайся, – указала на плетёную скамью. Сама присела напротив на подвешенный в конструкции из металлических трубок, качающийся сетчатый диванчик. Бывших супругов разделяла дорожка синтетической травы. Хозяйка оказалась в тени, отбрасываемой широкими листьями пальмы, тогда как гостя освещало перебравшееся на южную сторону дома солнце. – Что же тебя привело, Костик?

Тот встал и заходил по ядовито-зелёной, напоминавшей иголки пластмассовых ёлок траве.

– Вика! – вскрикнул он, замерев напротив. – Я приехал за тобой.

Она воткнула носок тапочка в пол, останавливая качели, и подняла брови, нарочито изображая изумление.

– И-и?

– Я тебя люблю, ну ты знаешь. Я люблю тебя все эти годы. Но раньше не решался беспокоить, потому что... Ну ты знаешь. Кто я был? А теперь... теперь всё изменилось, Вика! Мы уедем в Англию. Меня зовут работать. Экспериментировать и преподавать. Условия невозможно шикарные. Жить будешь там, где пожелаешь! Лондон или любой другой город, или деревенька, если хочешь быть ближе... – Тускловцев обвёл рукой пространство зимнего сада. Собеседница ухмыльнулась, но промолчала. Бывший супруг продолжил речь, которую, по всей видимости, неоднократно репетировал: – Пацана твоего возьмём. Ему прямая дорога в Кембридж, не сомневаюсь. Подумай! Старейший университет Великобритании! Вика, одно твоё слово, и я – счастливейший человек на земле!

– А я? – Вика толкнулась и снова стала раскачиваться.

– Что?

– Я буду самой несчастной, Костя. Ты вообразил, что жена ушла от тебя, потому что ты работал не в Великобритании, а в России? Не в тех шикарных условиях, а в нашеньком заплесневелом институте? – Подождав реакции, Вика перестала качаться, поднялась и встала напротив Тускловцева: – Я полюбила Толю. Всё просто. А ты меня элементарно... – Она хотела сказать «не удовлетворял», но увидев мелькнувший в голубых глазах испуг, выразилась иначе: – К тебе я охладела.

– Понимаю, – Константин попятился, потирая виски, – это неожиданно. Тебе нужно подумать. Вот что. Уезжаю через месяц. Пока это испытательный срок, но не сомневайся, я его пройду. Мы уже сотрудничали удалённо, я нужен им по всем параметрам. Ты сможешь приехать и через два месяца, и через полгода, когда пожелаешь. Я тебя жду, Вика. Всегда жду. Вот! – Он выхватил из нагрудного кармана пиджака, кстати, очень хорошего, визитку и положил её на полочку, где до этого стояла греческая ваза. – Буду ждать звонка или электронного письма, или сообщения в любой социальной сети. Да свидания.

Вика проследила, как исчезает за разноцветной дверью поджарая фигура бывшего мужа, и потянулась за карточкой. Бумага качественная. Похоже, в самом деле, карьера Тускловцева на подъёме. Вернула визитку на место, отряхнула пальцы и усмехнулась:

– Предложение он мне делать приехал! Умный ведь человек... а дурак.

Вот – вещь. Бросишь её, походя, небрежно, оставишь и забудешь, а она лежит, ждёт своего часа. Покорные обстоятельствам вещи – важные или пустячные – могут однажды попасться на глаза и изменить жизнь владельца. Впрочем, могут и не попасться, а угодить в урну благодаря старательности черноглазой скуластенькой работницы. Визитке Тускловцева это не грозило: Муза редко заглядывала в зимний сад, с пылью тут боролись утренние искусственные туманы и специальные фильтры очистки воздуха, а ей хватало забот в доме.

– Виктория Максимовна! – послышался певучий голос Музы. – Кашка пшённая из печи! Позавтракаете?

Пройдя в столовую, Вика сполоснула руки в крошечном умывальнике, притулившись у входа, и села за стол. Муза поставила перед ней тарелку с золотистой, украшенной карамельной плёнкой и жёлтым глазком сливочного масла кашей. «Печью» домработница называла электрическую духовку, которую собственноручно устала кирпичами. Этот нехитрый приём позволял прогревать горшочек с пшённой так, словно он действительно томился в русской печи. Получалось необыкновенно вкусно, и Вика успела полюбить это блюдо больше других.

– Что это он укатил так быстро? – любопытствовала Муза, ставя перед хозяйкой большую чашку какао. – Я кофе ему предлагала, так отказался. Спешу, говорит. – Она продолжала торчать рядом, наблюдая, как хозяйка вдыхает шоколадный аромат напитка и делает большой глоток. Чуть помедлив, спросила: – Это Анатолия Сергеевича знакомый?

Вика закашлялась и подняла на домработницу глаза. Взгляд был тяжёлым:

– Тебе что за дело?

Муза склонила голову и поспешно ретировалась. То-то же.

Визит бывшего всколыхнул память. Годы, задёрнутые плотным занавесом и давно казавшиеся частью чужой жизни, подсмотренной в театре или кино, проступили навязчиво во всех малоприятных подробностях. Вика покончила с завтраком, поднялась на лифте на третий этаж и оказалась в комнате для спортивных занятий. Повисела на шведской стенке, подержав уголок, прошла к велотренажёру, уселась, вставила ступни в широкие ремни педалей. С помощью болтающегося на шнурке пульта включила полутораметровый плазменный телевизор на противоположной стене. Настроила канал о путешествиях и «поехала». На экране мелькали снежные вершины горных хребтов, ледники, каньоны, болезненно-синее небо, ослепительные облака. Вика крутила педали и вспоминала себя двадцатилетней девчонкой, что после окончания колледжа пришла в конструкторское бюро научного института. Навыки обращения с циркулем, транспортиром и линейкой не пригодились. Молодая работница довольно быстро освоила компьютер. Эскизы, выполненные опытными конструкторами на бумаге, она переводила в электронный вид. Здесь не требовалось инженерное мышление, хватало внимательности, тщательности, терпения. Техника тогда была ещё тормозная, подолгу зависала, и Вика между делом успевала попить чайку, поболтать с девчонками, пококетничать с заглядывающими по делу научными сотрудниками. Тогда и приобрела первую настоящую подругу – Александру-Сашку-Шурку. Саша закончила тот же колледж за три года до Вики, наверняка была

в курсе её «родословной» – город маленький, жители словоохотливые, не скроешься. Однако ни намёка, ни подколки от неё услышать не пришлось. После работы шли вместе, шатались по магазинам, пялились на красивые тряпки, купить которые было не по карману. Выручал рынок с «челноками», заваленный дешёвым барахлом, где, хорошенько покопавшись, подруги находили вполне симпатичные шмотки.

Именно Александра способствовала взрослению Вики, помогла избавиться от материнского влияния и почувствовать себя самостоятельной. Жаль, что через год Шура вышла замуж и уехала в Москву. Её супруга, способного недавно окончившего ординатуру врача, пригласили в частный медицинский центр. Общались: перезванивались, Вика часто ездила в гости. Завидовала подруге, вот бы тоже найти парня с жилплощадью, свинтить от мамы. Вскоре подвернулся Тускловцев. Двадцативосьмилетний научный сотрудник казался состоявшимся, надёжным человеком. Познакомились они незадолго до увольнения Александры. Костя – ведущий проекта, заходил в конструкторский сектор поторопить исполнителей, прояснить возникшие вопросы. Выглядел он тогда взъерошенным и несобранным. Тёмные волосы до плеч, футболки с нелепыми рисунками на груди, джинсы, забрызганные чуть не до колен – путь на работу лежал по затянутым грязью тропам.

Костик слыл блестящим шахматистом и просто умным человеком, но совершенно дурел в обществе понравившейся ему девушки. Достоинства, безусловно, бывшие в нём, Вике не открылись, а за недостатки она взялась со свойственной молодости задором. Первым делом приучила ходить из дома кружным путём – на пятнадцать минут дольше, зато по асфальту, затем заставила сменить гардероб: вместо растянутых футболок появились клетчатые рубашки, вместо толстовок с капюшонами – джемпера и пиджаки. Молодожёны заняли половину принадлежавшего Тускловцевым дома. В шестидесятые годы для рабочих оборонного завода построили целый район однотипных одноэтажных зданий на две семьи с палисадником и огородом. Так получилось, что отец и мать Константина выросли по соседству, поженились, родив единственного сыночка. Теперь свёкор, свекровь и дедуля заняли одну половину дома, а Вика и Костя другую. По общепринятым меркам, жизнь Тускловцевых следовало считать счастливой, даже в девяностые, когда зарплату на заводе задерживали на полгода, их выручал участок. Картошка, лук, чеснок и квашеная капуста не переводились. Кое-что даже продавали.

Так у Вики появился более-менее свой угол. Муж млел от счастья, выполняя любые капризы, а новая родня дружно ждала пополнения в семье. Не дождалась. Через год невестка сбежала к другому и ни секунды не жалела об этом. Спроси тогда Вику, в чём причина внезапно вспыхнувшего чувства к совершенно незнакомому Рубинову, вряд ли она смогла бы сформулировать. Лишь спустя время призналась Шуре, что подсознательно опасалась превратиться в такую «чухню», какой была свекровь: разрывающуюся между работой и домом, огородными хлопотами и докторами. Вика не забыла детской клятвы прожить всю жизнь с единственным мужчиной, но она быстро осознала ошибку. Промахнулась и не стала дожидаться кризисов и новых разочарований – перезарядила и выстрелила. Вторая пуля попала в десятку.

Сотрудники объясняли Викино бегство дурной кровью, мол, увидела успешного мужика и повисла на нём. Отчасти так и случилось. Анатолий выделялся осанкой, ухоженным видом и полным достоинства взглядом, отнюдь не высокомерным. «А не запудрить ли бизнесмену мозги?» – кометой мелькнуло тогда в Викиной голове. Не вспомнила даже, что сама-то замужем. Костик, как на грех, торчал в курилке, обсуждая с приятелями ожидающийся гранд. Но все резоны истаяли после первого же поцелуя. Оба – и женщина, и мужчина – вкусили космическое влечение и мысли не допускали о расставании. Вика так и не узнала, что в офис к Анатолию приезжала делегация коллег Тускловцева увещевать разлучника. Тот, смеясь, выставил их за порог, благо Сева оказался рядом и утихомирил агрессивно настроенных переговорщиков с помощью знаменитого гипнотического тембра и профессиональных терминов. Никто больше

не мешал счастью Рубиновых. Даже дети. Вика из материнского опыта вынесла, что нежеланный ребёнок коверкает жизнь, а полюбовавшись на семью бывшего мужа, убедилась, что и желанные дети требуют много сил и времени, она не хотела тратиться. Марк – компромисс, на который пришлось пойти – особых хлопот благодаря вовремя подвернувшейся Захаровой не доставлял. Впрочем, Вика не сомневалась, что не будь Дарьи, нашлась бы другая женщина на эту роль. Благо средств на содержание прислуги в семье было с избытком. И уж кто-кто, а она не осуждала девчонку за оставленного в роддоме малыша – правильно сделала. Единственное, за что Вика презирала Дарью: лицемерие. Так кудахтать и трястись над чужим ребёнком, бросив собственного, могла только грандиозная притворщица. Сама Виктория никогда не притворялась – любит, так уж любит, а нет, извольте потерпеть – и другим не прощала балаганных чувств. Однако муж ценил Захарову, и надо признать, присутствие её в доме снимало с Вики множество лишних хлопот, жаль, что пришлось расстаться.

Глава 3. Анатолий Рубинов

Май 2018 года

Основной версией следствия стало похищение. Полиция подключилась ко всем возможным линиям – ждали требований выкупа. Наиболее вероятным считался звонок похитителей в офис, и мобильные обоих супругов не следовало исключать, скайп и ватсап на всякий случай тоже рассматривали. Время тащилось залипшей в густой сироп осой. Анатолий то и дело дёргал полицейских и Севу, поручившего параллельные поиски частному сыщику. Информация не обновлялась. На следующий день после исчезновения Марика печально знакомый Цыпин заявился в дом. Новая встреча с бледнолицым лейтенантом кардинально отличалась от предыдущей. Ни язвительного тона, ни ухмылок он себе не позволял, напротив: действовал чётко, выглядел собранным. Какие уж тут шутки! Исчезновение несовершеннолетнего, это тебе не бегство прислуги.

– Проводите в комнату сына? – проговорил он с едва угадывающейся вопросительной интонацией.

Рубинов приглашающим жестом указал в сторону лестницы и пошагал следом, недоумевая. Зачем это лейтенанту понадобилось тащиться в детскую? Сам он так и не зашёл туда за минувшие сутки.

Сквозь щель в неплотно задёрнутых шторах бил широкий луч, высвечивая вьющиеся в воздухе пылинки. Довольно резко пахло чем-то знакомым, сладковатым. Анатолий огляделся и заметил на полу рядом с кроватью опрокинутую бутылку из-под грушевого лимонада.

– Я смотрю, здесь никто не прибирался, – одобрительно кивнул Цыпин и замер около письменного стола.

– Анатолий Сергеевич не велел, – подала голос маячившая у входа Муза.

Полицейский обернулся и ещё раз кивнул:

– Вы пока свободны.

Домработница суетливо спряталась за стеной. Рубинов обводил комнату взглядом, подсознательно ожидая, что Марик выскочит из укрытия с криком: "Сюрприз! Здорово я вас напугал!" Но ничего такого не произошло. Из задумчивости вывел голос лейтенанта:

– Видели это? – Он раскрыл школьный дневник и водил пальцем по расписанию. – Не странно ли, что мальчик не взял с собой на уроки ни дневник, ни учебники?

– В смысле, не взял? – Анатолий следил за рукой лейтенанта.

Тот сложил книги и тетради по предметам из вчерашнего расписания и похлопал ладонью по получившейся стопке.

– Портфель у него был пустым?

Рубинов отрицательно покачал головой. Он помогал сыну нацепить ранец у машины, тот был достаточно увесистым. Чем же это Марк загрузил его?

Лейтенант раскрыл папку с рисунками и вытащил записку. Большими буквами на альбомном листе было написано: "Не тревожьтесь. Я у мамы. Марк".

Кровь прихлынула к щекам, делая их горячими. Анатолий сжал кулаки и шагнул к столу:

– Здесь ничего не было! Я видел эту папку накануне. Записки не было! Он это что же... утром вчера написал?

– Похоже, парня никто... – полицейский осёкся, перехватив гневный взгляд Рубинова, щёлкнул длинными тонкими пальцами и продолжил ещё более холодным и спокойным тоном: – Я всего лишь хочу сказать, что мы с большой долей вероятности знаем имя похитителя. Ведь мальчик называл мамой Захарову?

Оба мужчины обернулись, уловив звук движения в дверях. Вика стояла, опираясь рукой на притолоку, и криво улыбалась. В глазах её плескалась скука.

– Что? – спросил Анатолий.

Жена покачала головой и пошла по галерее в сторону спальни, шепнув что-то себе под нос.

Чуткое ухо Анатолия уловило: "Чушь собачья". Он нервно оглянулся на Цыпова, не слышал ли тот. Лицо лейтенанта оставалось деловито-сосредоточенным, ни тени осуждения не мелькнуло, хотя равнодушие, с каким родная мать отнеслась к похищению сына, вызывало вопросы.

– Я вам ещё нужен? – прокашлявшись, спросил Рубинов.

Следователь покачал головой:

– Если понадобятся разъяснения, обращайтесь, а пока осмотрю комнату.

– Конечно, – Анатолий пожал плечами, удивляясь: чего тут ещё можно найти.

Отправился на третий этаж, в кабинет, гордо именуемый библиотекой. По пути позвонил Дружилину. Тот отозвался скороговоркой:

– За рулём! Скоро буду, всё обсудим.

Рубинов кивнул и отключился. Усевшись во вращающееся кресло, покачивался из стороны в сторону, размышляя. Откуда взялась записка? Даты не стоит. Вполне возможно, что написана она раньше – какой-нибудь хитростью заставили ребёнка сделать это, а теперь подбросили. Кто бы это мог быть? Неужто домработница вошла в сговор с преступниками? Но больше-то некому! Муза работала в доме года два, пришла по рекомендации прежней, кажется, была её родственницей. За место держалась, жалованием была довольна. Рубинову вовсе не хотелось подозревать простую, старательную женщину. Из приоткрытого окна тянуло влажным, пахнущим лопнувшими почками воздухом, цвелькали невидимые птахи, доносилось мягкое урчание мотора. Рубинов прикрыл глаза, стараясь отрешиться от надоедливых звуков и продумать версию о прокравшемся в дом злоумышленнике, но не успел. Муза, точно угадав мысли хозяина, поднялась в кабинет и заговорила сочувственным тоном:

– Там Всеволод ... пожаловал, с полицией беседует. Сюда его пригласить?

– Да, – кивнул Анатолий, – и кофе приготовь. Как он любит. – Домработница шмыгнула прочь, а Рубинов сердито треснул по столу ребром ладони: если это она, вообще никому верить нельзя!

Спустя минут пять-десять Валерий поймал себя на мыслях о жене. Его задевала демонстративная отстранённость, с которой та воспринимала случившееся. Нормальная женщина, да и не только женщина, любой человек, сталкиваясь с новостью о потере даже чужого ребёнка, испытывает сочувствие, беспокойство, желание как-то помочь в поисках. Равнодушие к бегству прислуги ещё можно было объяснить, но сын! Вика что-то знает? Не она ли всё подстроила? Вздрогнул всем телом от шокирующего предположения. Нет. Этому не может быть никакого разумного объяснения. Скорее всего, прячет переживания, чтобы не создавать лишней нервозности. Встал, прошёлся по комнате, сделал круг, замер у окна. Небо слепило глаза. Отличная погода.

– Где-то сейчас мой мальчик? – прошептал. Послышались шаги. Анатолий обернулся и поспешил навстречу другу: – Сева! Ну что?

Следом за коротконогим, успевшим обзавестись небольшим животиком и лысиной, другом в комнату влетел аромат кофе, имбиря и перца. Муза проскользнула мимо обменявшихся рукопожатием мужчин, установила поднос на низком столике, украшенном причудливой резьбой по ясеню, и ретировалась. Друзья сели в огромные как два серых бегемота кресла, взяли в руки чашечки. Сева потянул носом вьющийся парок:

– М-м-м... волшебнo!

– Так что? – повторил вопрос Анатолий.

– Работаем. Переговорил с нашим детективом. Он кое-что нарыл.

– Ну? Не тяни!

Сева сделал глоток, закатил глаза, изображая блаженство, получаемое от прекрасного напитка, и не отставляя чашки, задал встречный вопрос:

– Знаешь ли, друг Анатолий, кто побывал у тебя дома вчера?

– Проклятье! Ты всю душу решил из меня выдавить? Говори!

– Наш Фондорин, позволь так называть его для конспирации, просмотрел бешеную кучу записей с камер. – Дружилин наклонился в сторону Анатолия и поводит бровями. – Сюда приезжал Тускловцев.

– Какого рожна ему понадобилось? – Рубинов так удивился, что перестал сердиться на друга за неуместное паясничанье.

Дружилин снова поднёс чашку к губам и покачал головой, мол, сам догадайся. Рубинов отвернулся, уставившись в окно. Ничего кроме пустого ярко-синего неба там не было, однако Анатолий вглядывался в бесконечную даль, словно ожидал подсказки. Неужели всё-таки Вика? Вступила в сговор с бывшим, чтобы... Чтобы что? Нет! Бессмыслица какая-то. Сева делился подробностями расследования. Нанятый им детектив успел гораздо больше полицейских: переговорил с товарищами Марка по фехтовальной секции, с одноклассниками, учителями. Теперь заинтересовался бывшим супругом матери.

– Я позвонил ему после разговора со следяком, рассказал о записке. Так что Дарью он тоже поищет.

– Марк грозился сам её искать, – вспомнил Рубинов, – именно поэтому я просил нанять частного детектива.

– Д-да, нестыковочка, – Дружилин со стуком поставил чашку и выцепил конфету из вазочки, – вряд ли парень вёл двойную игру.

– Что? – обернулся Анатолий.

– Судя по записке, Марик знал, где находится Дарья. Тогда как до этого собирался её искать. Притворялся?

Рубинов отрицательно покачал головой:

– Он так плакал.

– Спасибо за кофе, – Дружилин поднялся. – Есть у меня ещё одно поручение нашего детектива.

Анатолий тоже встал:

– Я с тобой. Хочу познакомиться с ним.

– С Холмсом? Не стоит. – Сева взмахнул рукой, пресекая возражения. – Он предпочитает общаться с тобой через меня.

– Это ещё почему?

– На тот случай, если всё-таки мальчика похитили реальные отморозки. Они могут следить за твоими контактами. – Увидев, как изменился в лице несчастный отец, Дружилин поспешил его успокоить: – исключительно для перестраховки. Не сомневайся, с Марком всё хорошо. Кто из нас не бегал из дома?

– А за тобой гипотетические отморозки не могут следить? – отмахнулся Анатолий, показывая, что наслушался успокоительных рассуждений.

– За всеми твоими сотрудниками не уследишь, а новый человек сразу привлечёт внимание. Наш комиссар Мегрэ желает иметь свободу, не вызывать подозрений и всё такое.

Аргументы Севы не убедили Рубинова, но настаивать на встрече с детективом он не стал. Можно отложить дня на два, если, конечно, Марик до тех пор не объявится. Дарью он может искать не торопясь.

К сумеркам все разъехались. Вика после долгой беседы с полицейским была взвинчена, давно её такой никто не видел. Минут сорок отмокала в ванной, надеясь избавиться от негативной энергии.

Домработницу разговор с Цыпиным тоже потряс, у бедной женщины руки дрожали. После того, как Муза опрокинула кастрюлю с кипящей водой и едва не обварилась, Анатолий отпустил её домой и даже предложил взять завтра выходной. Самому ему тоже требовалось побыть одному, чужие, пусть и полные сочувствия, глаза жутко раздражали. Вот так живёшь, считаешь себя уравновешенным человеком, а придёт беда, окажешься неврастеником и слабаком. Анатолий на скорую руку перекусил холодной курицей и вышел во двор. Стоял тёплый вечер, едва ощутимый ветерок нежно касался щёк и влажного лба. Вот бы сейчас отворилась калитка и пропустила Марка. Как бы отец бросился ему навстречу, как прижал бы к себе и зашептал в ухо: «Сынок! Сынок! Спасибо, что вернулся!» Ни слова упрёка б не сказал, ни строгого взгляда не бросил. Лишь бы он был в порядке!

По словам Цыпина, похитители, если это похищение, должны были уже проявиться. Им время дорого. Раз требований выкупа не поступало, значит... О страшных вариантах думать не хотелось. На озлобленного беглеца сын тоже не тянул. Пусть он с Дашей! Она не причинит ему вреда. Пусть с Дашей! Хотя, вопреки желанию сердца, Анатолий считал, это маловероятным. Кто-то парня обманул. Знающий семейную ситуацию человек. Кто же? Неужели, в самом деле, Тускловцев? Анатолий обошёл дом, выглянул за ворота. Постоял. Поднял глаза к небу. Там поблёскивали редкие звёзды. Им-то сверху видно всё. Покачался с пятки на носок и повернул обратно. Свет в окне спальни погас. Вика, похоже, собиралась спать. Рубинов неторопливо пересёк двор, прошёлся по дому, не теряя ощущения пустоты и никчёмности огромных площадей. Здесь бы пятерых детишек растить! Тяжело ступая, поднялся на галерею, завернул в комнату Марка. На столе горела забытая Цыпиным лампа. Открыл папку. Записки не было – полицейский изъял её. Порывшись в листах, Анатолий нашёл портрет сына. Полюбовался. Показать жене? Да она спит уже – подумалось с надеждой. Чего-чего, а любовные утехы сейчас казались абсолютно неуместными.

Вика свернулась клубком на краю ложа, уткнув нос в собственную ладошку, и глубоко дышала. Действительно спала или хорошо притворялась. Проверять Анатолий не стал. Улёгся осторожно, чтобы не потревожить и поймал взглядом сквозь щёлку в портьерах блёклую звёздочку. Смотрел, пока глаза не закрылись сами собой. Снилось, как они с Мариком босиком бегают по усыпанному цветами полю, у каждого в руках бечева, на которой бьётся воздушный змей. Трава щекочет ступни, нить режет палец, но от этой боли становится ещё веселей.

– Мой выше! – кричит сын.

– Нет, мой!

Два хвостатых бумажных чудовища рассекают воздух, на миг заслоняя солнце, пронзающее их полупрозрачные тела золотыми лучами. Смех сына звенит как частая апрельская капля, выбивающая чечётку о жесть отливов. Анатолий во сне улыбался так широко, что не смог бы разлепить ресницы.

Сюжет сновидения всплыл из прошлого: накануне по дороге к озеру, где он надеялся найти сына, Анатолий проезжал мимо поля. Там лет шесть назад Марк и его дружок Артём запускали змея под руководством Дарьи. Артём – сын Александры и Даниила Ткаченко. Вика и Саша дружили ещё со времён юности. Анатолий и Даниил сошлись на любви к шахматам. Они в основном играли по переписке, но очные встречи бывали интереснее. В тот день Рубиновы пригласили друзей на барбекю. Пока взрослые ели и выпивали на лужайке за домом, мальчишки с Дашей ушли на прогулку. Их не было довольно долго, Александра разволновалась и попросила мужа разыскать Артёма. Рубинов пошёл с ним. По пути разбирали отложенную партию. Из-за выпитого виски обсуждение шло на повышенных тонах. Выйдя к полю, мужчины остановились. Забыли о шахматах и жёнах, такая весёлая сцена им открылась. Дарья ловко управлялась со змеем, а два шестилетки скакали вокруг неё с криками:

– Мама! Мама! Дай мне!

– Мама! Теперь я!

Даниил тогда мгновенно протрезвел. Подлетел к сыну, схватил за руку и потянул за собой. Мальчишка упирался, просил не уводить его, но Ткаченко действовал как автомат по заложенной программе. Проходя мимо Анатолия, взглянул на него с таким неодобрением, что тот почувствовал себя виноватым, хотя не мог взять в толк, в чём именно. Марик с сожалением смотрел вслед приятелю, но получив вожделенную нить, забыл о нём и побежал по полю, задрав голову. Артёмка же оборачивался до тех пор, пока они с отцом не скрылись за первым коттеджем посёлка. Рубинову тоже захотелось побегать по траве вместе с сыном, но неловко было оставлять Вику одну с гостями, поплёлся домой. И вот, спустя столько лет, в то время, когда Марк сбежал от них, Анатолию приснился этот чудный сон. Полный солнца и ощущения счастья.

Разбудили Рубинова прикосновения влажных мягких губ. Вика забралась к нему под одеяло, привалилась к его боку, целовала грудь и, обняв ногой, скользила ступнёй по его голени. Руки её шаловливо щекотали живот и подёргивали волоски. Ещё не растаяли остатки радостного сновидения, как Анатолий был готов ответить на Викин зов. Она приподнялась на руках, перекинула ногу через него и, гикая затанцевала:

– По коням! В атаку!

Уже через пару секунд их дыхание вошло в один глубокий ритм, и пространство комнаты наполнилось стонами наслаждения.

Всё произошло стремительно. Анатолий вернулся к действительности, когда ласковая кошечка рядом, прильнув к нему, шептала проникающим в мозг голосочком:

– О, мой король! Я, кажется, тебя изнасиловала. – Она засмеялась, подрагивая всем телом, отчего супруга захлестнула новая волна желания. Он преодолел соблазн, мягко отстранился и сел:

– Я в душ.

– Ну вот! – Вика откинулась на спину, разбросав руки в стороны. – Ни «доброго утра», ни «спасибо, милая», что за мужа пошли!

Анатолий обернулся, задержавшись взглядом на её восхитительной груди, и покачал головой:

– Извини. Не могу. Муторно на душе.

Закрывая дверь душевой, услышал брошенные вслед слова:

– На душе у него муть! Слабак!

«Уж не она ли устроила побег сначала Даше, а потом и Марку? – мелькнула ядовитая мысль, но Рубинов отогнал её: – Не может быть!»

Глава 4. Дарья Захарова

Май 2018 года

Последнее, что помнила Даша – миниатюрный поднос под «Хохлому»⁶, принесённый Музой в комнату. На подносе стояла чайная пара и чайник, расписанные в той же технике, и крошечная вазочка с крекером. За домработницей Рубиновых не водилось привычек ухаживать за Дашей. Вид, с которым она вошла и поставила поднос на стол, говорил о том, что идея была не её, это подтвердили слова:

– Виктория Максимовна велела.

– Спасибо. – Даша занималась книгами, отбирала те, из которых Марик уже вырос, чтобы отнести в библиотеку. Муза не уходила, ждала чего-то. Пришлось взять чашку и сделать глоток-другой. – Очень вкусный чай, спасибо, – повторила Даша. – Так и будешь стоять?

– Уж выпей! Чтобы мне за чашкой лишний раз не подниматься.

– Я сама принесу... и вымою.

Муза дёрнула плечом и царственной походкой удалилась. И за что она её так невзлюбила? Ещё прежняя домработница относилась к Даше пренебрежительно. Трудно сказать, была ли причиной зависть: обязанности няни со стороны казались пустяковыми, а зарплата – непомерно большой, или слухи о том, что она бросила ребёнка в роддоме, а Рубиновы, несмотря на это, доверили ей своего. Непросто было целыми днями находиться среди людей, настроенных негативно. Хозяин был подчёркнуто вежлив, но теплоты не чувствовалось даже в словах благодарности. Хозяйка презирала Дашу и постоянно демонстрировала это. Прежняя домработница, а затем и Муза, не особенно скрывали неприязнь. Лишь беззаветная любовь Марка удерживала Дашу в этом доме.

Марик! Огляделась, приподнимаясь на локте. Как её сюда занесло? Пустые стены оливкового цвета, односпальная кровать с застиранными, когда-то белыми, а теперь сероватыми простынями и коневым одеялом, рядом с кроватью тумбочка молочного цвета. Больница? Даша села и обнаружила, что одета в бледно-лиловое платье шифт из тонкого трикотажа с достигающими локтя рукавами. Белья под платьем не было. Как же так? Её увезли из дома, переехали, уложили на чужую кровать, а она ничегошеньки не помнит? Нашарила ногами пластмассовые шлёпанцы, встала, но тут же схватилась за спинку кровати. Комната медленно плыла. Переждав с минуту, когда кружение закончится, девушка выпрямилась и, стараясь не шевелить головой, чтобы не возобновилось вальсирование стен и потолка, пошла к выходу. За прозрачной дверью оказался метровый коридорчик. Слева тоже за стеклянной дверью находилась душевая, справа – туалет. Коридорчик утыкался в крепкую дверь цвета слоновой кости. Даша подёрнула ручку – заперто. Постучала кулаком, прислушалась. Никакой реакции. Звала на помощь, долбила дверь кулаком и пяткой – бесполезно. Охрипшая и окончательно измученная оставила попытки докричаться до невидимых работников больницы и пошаркала обратно в комнату. По бокам от стеклянной двери нашлись стенные шкафы, в одном лежали Дашины вещи: джинсы, кофточки, футболки, носки, бельё – всё распределено по пакетам. Порывшись в сумочке, нашла паспорт, банковскую карту, фото с Мариком, вынутое из рамочки. Телефона не было.

Отсутствие телефона не слишком огорчило. Кому звонить? Родители не поддерживали с ней связи, так и не простив случившееся двенадцать лет назад. Возможно, вернись беспутная дочь в дом, покайся, попади под полный их контроль – пожалели бы. А так! Устроилась лучше многих путёвых. Разве таких прощают? Хозяйина беспокоить она бы не решилась, Марика

⁶ Хохломá – старинный русский народный промысел, родившийся в XVII веке в округе Нижнего Новгорода, декоративная роспись деревянной посуды и мебели, выполненная чёрным и красным (изредка, зелёным) цветом по золотистому фону.

пугать – тем более. Оставались хозяйка и Муза – кто-то из них отправил Дашу в больницу. С этими говорить даже в бодром состоянии выше её сил, а уж в полуживом...

Добрела до окна. Подоконник располагался на уровне плеч, а стёкла до середины закрывала белая плёнка, так что разглядеть можно было лишь чистое небо и верхушку растущей неподалёку берёзы. Ветки её недавно оперились, глянцевые листочки ещё не успели заполнить крону, полупрозрачная, она лучилась оптимизмом.

Даша стояла, ухватившись обеими руками за подоконник, и вглядывалась в небо, будто там можно было найти ответы на копошащиеся в голове вопросы – путанные и тревожные. Вздрогнула, услышав щелчок замка, резко обернулась и едва не упала – комната снова превратилась в карусель.

– Здравствуйтесь, больная, – послышался то ли низкий женский, то ли высокий мужской голос.

Уже через секунду уверенные руки подхватили готовую упасть девушку. Она, сделав усилие, сосредоточилась и разглядела обнимающую её обладательницу пышных форм, крашеных в рубиновый цвет коротких волос и чёрных усиков.

– Что-то я не... – бормотала Даша, – кружится всё.

– Вот так, милая, осторожно, – женщина помогла дойти до кровати и улечься. На ней был форменный костюм сиреневого цвета, на кармашке болтался прицепленный блестящей прищепкой бейджик. Прочитать Даша успела только имя: Эльвира Васильевна.

Эльвира Васильевна открыла тумбочку и выхватила из её недр пластиковую бутылочку. Пациентка с благодарностью приняла воду, сделала несколько глотков – как раз вовремя, её мутило от насыщенного цветочного аромата, окутавшего всё вокруг.

– Я твой лечащий врач, – сообщила толстуха и, достав складной стул из-за тумбочки, уселась рядом.

Стул пугливо захрустел под тяжестью объёмного тела, но выдержал. Сладкий аромат отступил.

– Под матрасом лежит пульт, можешь приподняться, так будет удобнее.

Выудив закутанную в плёнку чёрную пластину, Эльвира Захаровна, нажала на самую большую кнопку в центре. Кровать послушно приподнялась, теперь Даша полусидела. Она пошевелила губами, беззвучно поблагодарив, и приготовилась слушать. Доктор не спешила начать разговор – углубилась в записи на планшете.

Нетрудно было догадаться, что клиника недешёвая. Как её угораздило здесь оказаться, Дарья не помнила, и это её беспокоило больше всего, если не считать мерзкого самочувствия. Эльвира Васильевна внесла в электронную карту дату и отложила планшет.

– Итак, больная, какие жалобы?

– Что со мной? – Чёрные, довольно густые брови докторши взметнулись, словно вопрос поразил её своей неуместностью. Даша поспешила уточнить: – Я ничего не помню. Меня "скорая" сюда привезла?

– Это первый припадок? – не отвечая, доктор снова отвлеклась на планшет, что-то туда записывая.

– Припадок? – Даша приподнялась, вцепившись в края кровати. – Чего?

– Значит, первый, – кивнула Эльвира Васильевна с довольным видом. – Это радует. Надеюсь, случай не запущенный.

– Подождите! Я совершенно здорова! Мой работодатель настаивал на ежегодном обследовании, никаких отклонений...

– Всё когда-нибудь случается впервые, – заметила врачиха с философским видом. – Не стоит так переживать. Мы вас обязательно поставим на ноги.

Даша снова упала на подушки и обречённо поинтересовалась:

– Долго я здесь пробуду?

– Шесть недель как минимум. А что тут удивительного? Месяц интенсивной терапии, да и потом надо будет наблюдаться. – Упредив возмущение пациентки, Эльвира Васильевна заявила, поднимаясь: – повторение припадков опасно не только для тебя, но и для окружающих. Мы не имеем права опустить раньше, чем окончательно исключим возможность рецидива.

Очень хотелось плакать. Даша обречённо наблюдала, как затянута в медицинскую форму пышнотелая женщина выходит из палаты, всхлипнула, услышав щелчок замка, уткнулась локтевой изгиб согнутой руки, протяжно заныла:

– У-у-у-у-у-о-оо-о-аааа...

Сосредоточиться было по-прежнему трудно. Сердце сжималось от мысли о Марике. Рубиновы не станут рисковать, наверняка уволят припадочную няню. Что же это было? Что? Докторша так и не назвала диагноз, он настолько страшен? От стонов или от волнений, разболелась голова. Новый визит застал пациентку сидящей по-турецки и стискивающей ладонями виски.

– Совсем худо? – участливый скрипучий голос принадлежал сухонькой старушке в кипельно-белом халате. Причёска нянечки, доставившей в палату тележку с завтраком, напоминала укрытый снегом куст или горку взбитых сливок, щедро присыпанных сахарной пудрой. Сладкое сравнение не пришло Даше в голову, ей показалось, что у неё в гостях состарившаяся Снегурочка. Та суетливо выставила на тумбочку тарелку с залитой молоком гречневой кашей, накрытый ломтиком белого хлеба стакан киселя, положила салфетку, а на неё – ложку, – подзаправься, сердешная!

Бабка-Снегурка укатила. Едва Даша запихала в себя завтрак, объявилось новое лицо – высокий широкоплечий парень в такой же сиреневой форме, как у Эльвиры Васильевна. Взглянув на опустевшую посуду, парень выхватил из кармана и поставил на тумбочку пузырёк, по дну которого перекачивалась красно-белая капсула.

– Проглоти, – низким голосом произнёс парень и замер с явным намерением дожидаться выполнения приказа.

– Ты кто? – У Даши в груди поднялась протестная волна.

– Медбрат. – Парень хмыкнул и повернул пузырёк так, чтобы пациентка увидела надпись на нём: "Захарова, палата №8"

Девушка вытрясла капсулу на ладонь и пошевелила её пальцем.

– Что это? – взглянула на парня, недовольного её медлительностью, тот молчал. Ждал. – Почему бейджика нет? Как к тебе обращаться?

– Не надо ко мне обращаться. Выпей лекарство, и я пойду. – Перехватив Дашин неодушевленный взгляд, назвал себя: – Роман. Пей. Не отравля!

Она пожала плечами и забросила в рот капсулу. Роман поспешно собрал со стола посуду и вышел. Снова щёлкнул замок. С улицы слышалось цвеньканье одинокой птахи. Даша прислушалась. Головная боль отступила, по телу разлилось приятное тепло. Захотелось улыбаться и напевать. Действительно – не отравля! Растянувшись на кровати, Даша подняла глаза к потолку и прошептала:

– Всё будет хорошо! Я быстро поправлюсь и...

Что "И" она не успела додумать, перед глазами поплыли хаотичные узоры. Чудился плеск волн, шорох тревожимой ими гальки, негромко звучала далёкая песня: "О-ой да-а ой да ни да о-о-ой..."

Однообразной вереницей потянулись дни. Тревожные сновидения прерывались головной болью, от неё отвлекало поскрипывание колёсиков – в комнату закатывалась тележка бабушки-Снегурочки, следом появлялся Роман с неизменным пузырьком. Даша ждала медбрата. Красно-белая капсула спасала от нытья в мозгу. Другого лечения Даше не предлагали, Эльвира Васильевна заходила незадолго до обеда, расспрашивала о малозначущих вещах и пропадала на сутки. После полдника полагалась прогулка. Роман выводил Дашу из корпуса и

оставлял на одной из скамеек, охраняющих широкую заасфальтированную дорожку. Другие пациенты выходили без сопровождающих. Здесь встречались молодые, но в основном были люди зрелые, по большей части – мужчины. Дашу поначалу удивляло отсутствие стариков и старушек, она объяснила это дороговизной клиники, объяснение было так себе, но девушка перестала разглядывать соседей, прогуливалась по главной аллее, отдыхала на скамье, снова прогуливалась и ждала. Ждала вечера, ждала следующего дня, следующей недели. "Шесть недель, – повторяла себе, – шесть недель, и я вернусь к Марику". Сомнения испарились: раз хозяева оплатили лечение, значит: ждут её обратно. Погода стояла солнечная, в редкие дождливые дни Даше выдавали шуршащий плащ с капюшоном и силиконовые галоши. В дождь гулялось приятнее. Тёмный от воды асфальт отражал бесформенную фигуру на тонких ножках, по полиэтилену накидки стекали прозрачные струи, в листве тянущихся с двух сторон лип небо шепталось с ветвями. На лавочки никто не садился, гуляющие собирались в просторной беседке в глубине парка и болтали, Даша к ним никогда не присоединялась, ей претило кокетство малочисленных женщин, хмельных от избытка комплиментов. Время превратилось в однородную вязкую субстанцию, приправленную закваской, черпай хоть половником – не убывает. Листья берёзы за окном – единственной Дашиной подруги – из ноготков выросли в подобие детских ладошек и приобрели насыщенный цвет, а девушка всё твердила себе про шесть недель. Она лишилась способности отмерять уходящие дни. Память тоже стала подводить. Тихий час после обеда Даша посвящала воспоминаниям. Флюоресцирующие картинки и беспорядочные звуки, атакующие мозг после приёма капсулы, начинали ослабевать, возвращалась способность сосредоточиться – не полностью, конечно, процентов на десять, но всё же. Лёжа на кровати, Даша устремляла взгляд в потолок, высматривая микроскопические трещинки в тонком слое белой акриловой краски, и заставляла себя представить лицо Марика. Получалось не сразу и чем дальше, тем больше требовалось усилий. Воображаемый мальчик улыбался или плакал, иногда звал её, иногда просил прощения за то, что до сих пор не нашёл. Спустя три-четыре дня вместе с Марком стал приходить другой мальчик, Даша наверняка знала его, но не могла вспомнить имени. Тот, другой, непостижимым образом напоминал её детские фотографии. Незаметно для себя она стала уделять больше внимания второму мальчику и внутренне ликовала, когда он называл её мамой. Час воображаемого общения с ним стал для Даши потребностью. "Кто ты?" – хотелось спросить, но Даша боялась обидеть или спугнуть. "Кто он?" – мысленно обращалась она к Марику, тот смеялся: "Тебе лучше знать, мама!"

– Шесть недель! – как заклинание шептала она, когда мальчики исчезали. – Шесть недель осталось потерпеть, и я их обниму!

Потом Марк стал приходить реже, стоял в сторонке, ожидая, когда мама и его друг наговорятся, а потом и вовсе пропал.

В тот день незнакомый мальчик был печален. Он пожимал плечами на вопросы о Марике. Вздыхал, когда Даша говорила, как рада ему.

– Скоро я не буду тебе нужен, и ты опять от меня откажешься.

– Что ты! Нет! Когда я от тебя отказывалась? Этого не будет! – Даша готова была рыдать, она чувствовала: ребёнок прав, ему известно что-то такое, что сама она упустила.

– Ты не виновата, мама, – потупившись, шептал ребёнок, – они тебя заставляют.

Фигурка худенького подростка растворилась, оставив впечатление вечной разлуки. Даша остро почувствовала: он больше не покажется ей, как и Марк. Она теперь одна.

По внутренней связи пришло оповещение – тихий звякающий звук перерастал в булькающий. Следом заскрежетал ключ в замке, Снегурка принесла поднос, водрузила на тумбочку.

– Плачешь опять? – покачала головой. – Пойду Захаровне скажу.

Плакать Даше полагалось по утрам, сейчас уже перебор.

– Нет! Не плачу! – воскликнула девушка, она испугалась, что доктор продлит лечение. Шесть недель она готова потерпеть, но не больше!

Старушка подвинула стакан с какао и блюдо с круассаном ближе к пациентке и наклонилась, подслеповато разглядывая её лицо:

– Выла, я слышала.

Даша быстро провела ладонями по щекам и завертела головой:

– Вам показалось, это я пела.

Взглянула старушке в лица открыто, насколько могла. Та постояла, сцепив руки на животе, собрала накрашенные перламутровой помадой губы в трубочку и протяжно выдохнула:

– Ах ты, сердешная...

Кажется, поверила, – успокоилась Даша и принялась напевать что-то невразумительное на тот случай, если Снегурка подслушивает под дверь. День, действительно отличался от всех предыдущих. Во-первых, голова не прошла после утренней капсулы, Даша старалась не обращать на неё внимания, отвлекала себя, чем только могла. Во-вторых, отменили утреннюю демонстрацию картинок, радужных как бензиновая плёнка в луже. Пришлось соврать Эльвире Васильевне на утреннем обходе. Кто знает – это признаки выздоровления или наоборот. Хорошо бы с кем-то посоветоваться. Снегурка – не вариант, она сразу настучит докторше. Медбрат слишком высокомерен, вряд ли станет беседовать втайне от начальства. Другие пациенты? Даша отставила опустевший стакан и, собрав с блюда обсыпавшиеся кусочки кожицы круассана, отправила их в рот. Покачала головой – нет, там другие диагнозы. Остальные обитатели клиники передвигались достаточно свободно: ели в общей столовой, общались в просторном светлом холле, играли в бильярд и в шахматы, смотрели телевизор и читали книги.

Никого кроме Даши здесь не запирали. Неужели она опасна? Боль всколыхнулась с новой силой, опять захотелось плакать. Девушка сжала кулаки, закусил губу: держись, Дарья! Сейчас припрётся Роман, нельзя, чтобы он увидел слёзы. Это не Снегурка, мигом настучит докторше. Словно в ответ на Дашины мысли, клацнул замок, и зашелестела открывающаяся дверь. Медбрат вошёл в комнату, заученными движениями достал стул из-за тумбочки, ловко заскочил на него, распахнул окно и обернулся:

– Переодевайся, подожду в коридоре.

Всё как обычно, но в голосе Романа слышались заботливые нотки. Что-то случилось? Бабка донесла всё-таки? Теперь срок лечения увеличат? Переживания мешали, Даша путалась в штанинах джинсов, в шнурках ботинок. Уже выходя, заметила что кофточка надета на изнанку. Пришлось переодеваться.

Парень ждал, прислонясь в стенке спиной и углубившись в смартфон. Он услышал шаги подопечной и, не отрывая взгляда от экрана, пошагал по коридору. Даша поплелась следом. Сегодня она его рассмотрела: высокий, статный, руку держит в кармане, чуть оттопырив локоть, голову слегка склоняет к левому плечу. Аккуратная стрижка – обычная, без изысков. Из-за ворота форменной тужурки выглядывает татуировка, разглядеть её невозможно. До сегодняшнего дня Даша побаивалась медбрата, а сейчас... Он изменился. Движения мягче, взгляд теплее. Или это ей только кажется?

Даша остановилась на крыльце. Палисадник, расположенный с двух сторон горел тюльпанами. Кажется, недавно здесь сверкали нарциссы. Успели отцвести? Подняв голову, Даша подставила лицо солнечным лучам – горячим, почти обжигающим.

– Захарова, – голос медбрата казался ласковым, – идём скорее.

Пациентка послушно побежала за ним. Роман шагал размашисто, смартфон успел убрать, и теперь обе руки были в карманах, локти топорщились, словно расправленные подкрылки. Он миновал лавочки, где привычно усаживалась Дарья, проследовал дальше по аллее и свернул на боковую дорожку.

– Куда мы? – испугалась Даша.

Медбрат шёл, не оборачиваясь, лишь плечи слегка ссутулились. Девушка замедлила шаг: зачем он заманивает её в глушь? Тропа вспучилась асфальтом, испещрённым трещинами, сквозь них пробилась трава, обочина напозла на старое покрытие размокшим мусором: слежавшимися перегнившими листьями, семенами, обломками сучьев. Даша остановилась, оглянулась назад. Почему бы ей не вернуться на знакомую, прилизанную аллею? Там солнце, там скамейки, гуляющие люди... Всё как всегда. Посмотрела вслед Роману. Он удалился метров на десять. Не ждёт, не приглашает идти за ним. Сгорбился ещё заметнее, обмяк, неуверенность в походке появилась. Тряхнув головой, девушка застонала от вспышки боли, стиснула зубы и побежала догонять медбрата.

Тропа привела их к овальной поляне, в центре диковинными зигзагами росли когда-то стриженные, а теперь разросшиеся кусты барбариса.

– Лабиринт, – указал на них Роман, – спрячемся там. Он дождался, когда спутница свернёт в затённый проход между рядами кустов и прошёл за ней.

Она сцепила руки в замок, прижав их к груди, и напряжённо следила за движениями парня. Тот замер, наблюдая сквозь редкие ветви за дорожкой. Даше ничего не оставалось, как любоваться его безукоризненным профилем.

– Ну? – заговорил он после непродолжительной паузы. – Рассказывай, кому дорогу перешла? – скосил глаза на девушку, растерянно приоткрывшую рот, но не издавшую ни звука, и пояснил свой вопрос: – До сих пор никого не загоняли сюда насильно, не держали под замком и не пичкали несертифицированными препаратами.

– Я... э-э-э... голова раскалывается, – только и смогла выговорить Даша.

– Извини, забыл. Вот. – По-прежнему не глядя на собеседницу, медбрат протянул ей блистер с таблетками: – прими одну, остальные спрячь. Я тебе сегодня капсулу подменил, поэтому и болит.

Даша выдавила таблетку проглотила её, оставшиеся засунула в карман джинсов, и только тогда поинтересовалась:

– Зачем это ты капсулу подменил?

Роман взялся за верхнюю пуговицу своего форменного костюма и, повернувшись к девушке, сделал шаг.

– Не прикасайся! – отскочила она. – Я буду кричать!

Парень даже покачнулся от неожиданности. Брови его взметнулись вверх, а в глазах мелькнуло удивление. Собравшись, он сказал довольно холодно:

– Нужна ты мне больно. Дура.

Даша, почувствовав неловкость, сорвала лист и стала мять его в руках.

– А чего тогда завёл в кусты, да ещё раздеваешься? – она кивнула на пальцы Романа, до сих пор теребившие пуговицу.

– Разуй глаза! – сердито сказал Роман, оттягивая край одежды. – Видишь, что это?

Даша пригляделась и растерянно протянула:

– Камера?

– Вот именно! Я повредил её, чтобы поговорить без свидетелей. Но это в первый и в последний раз. Иначе мне не только «Центра» не видать, как своих ушей, но и вообще – медицину.

Измятый лист барбариса перекидывал в рот, Даша механично жевала, глядя в одну точку, и слушала рассуждения медбрата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.